

Larysa Pisarek

Заметки о языковом портрете Михаила Булгакова

Acta Polono-Ruthenica 9, 219-228

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez **Muzeum Historii Polski** w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Larysa Pisarek
Wrocław

Заметки о языковом портрете Михаила Булгакова

1. В данной статье я хотела бы представить некоторые черты языкового портрета Михаила Булгакова. Проблема эта непосредственно связана с понятием так называемого человеческого фактора в языке, т.е. с вопросом о языковой личности.

Само понятие человеческого фактора в языке (говорящего лица и адресата речи) появилось в концептуальном аппарате лингвистики не так давно в связи с развитием лингвистической прагматики и, прежде всего, теории речевых актов. Своим появлением обязано оно широко принятому, вслед за Ч. Моррисом, определению прагматики как той области семиотики, которая изучает отношение к знакам говорящих. Дальнейшее развитие исследований в области лингвопрагматики привело к рассмотрению ряда новых проблем, связанных непосредственно не только с говорящим лицом, адресатом, отношениями между ними, но и с ситуацией общения, формами общения, конфликтами в общении и т.д. (см. ЛЭС: 390). Основным же принципом, который объединил разные направления прагматических поисков в наше время, стал принцип „употребления языка говорящими” (ЛЭС: 390).

Однако понятие языковой личности как создателя определенных текстов на данном языке¹, хотя и является новейшим приобретением понятийного аппарата лингвистики, имеет свою предысторию, прежде всего в стилистике, поскольку прагматика сделала предмет своего изучения многие проблемы, которыми издавна интересовались риторика и стилистика. В наше время языковая личность понимается, с одной стороны, как создатель текстов на данном языке, а с другой – как говорящий субъект, тексты которого, отражая определенную языковую систему, могут иметь индивидуальные особенности. И в данном месте понятие языковой личности соприкасается с другим понятием родом из стилистики, а именно с **идиолектом**² (НЗЛ: IX, 24, 154). Судя по словарным определениям,

¹ Ю. Н. Караулов, *Русский язык и языковая личность*, Москва 1987, с. 27.

² К. А. Долинин, *Стилистика французского языка*, Москва 1987, с. 81.

идиолект понимается то как язык отдельного носителя языка (ЕЮ: 215; ЕК: 332), совокупность индивидуальных особенностей, характеризующих речь данного индивида, индивидуальная разновидность языка³, то как индивидуальная манера использования языка, иными словами индивидуальный стиль⁴. Определенные черты идиолектов поэтов, писателей (поэтический идиолект М. Цветаевой, эпитет как черта идиолекта И. Бунина и т.д.) изучаются в литературоведении. При этом рассматриваются стилистические особенности художественных произведений или отдельные тропы, языковые средства выражения, присущие данному писателю или поэту. А от писательского идиолекта совсем уже близко до **языкового портрета** автора как личности.

В русистике первые языковые портреты были „написаны” М. В. Пановым⁵. Это фонетические портреты писателей, поэтов, выдающихся ученых, артистов (Реформатского, Яхонтова, Вознесенского, Пушкина, Петра I, Ломоносова и др.). Известны языковые портреты А. А. Реформатского⁶, М. В. Панова⁷. Появились работы о языковом портрете ребенка⁸, о портрете маргинальной языковой личности⁹ и, наконец, о русском речевом портрете¹⁰. Таким образом, уже имеется определенная лингвистическая литература, акцентирующая важность исследования языковой личности как таковой¹¹ и появились образцы языковых портретов.

Нас будет интересовать идиолект Булгакова не как автора замечательных литературных текстов (т.е. не тексты его произведений), а именно языковой (речевой) портрет писателя, т.е. язык Булгакова как личности, человека, представителя определенной общественной прослойки – русской творческой интеллигенции. Мы ставим перед собой скромную цель –

³ О. С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, Москва 1966, с. 165.

⁴ К. А. Долинин, *op. cit.*, с. 81.

⁵ М. В. Панов, *История русского литературного произношения XVIII-XX вв.*, Москва 1990.

⁶ *Язык и личность*, отв. ред. Д. Н. Шмелев, Москва 1989.

⁷ Л. А. Капанадзе, *Мемуар о фантастическом учителе*, [w:] *Язык: система и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова*, ред. М. Я. Гловинская, Е. А. Земская, Москва 1990.

⁸ Е. А. Земская, *Речевой портрет ребёнка (к вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи)*, [w:] *ibidem*.

⁹ В. Д. Черняк, *Наброски к портрету маргинальной языковой личности*, „Русский текст”, 2. С.-Петербург 1994.

¹⁰ М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, *Русский речевой портрет. Фонохрестоматия*, Москва 1995.

¹¹ Н. Д. Арутюнова, *Фактор адресата*, „Изв. АН СССР. Серия лит. и яз.” 1981, т. 40, 4; И. П. Сусов, *Личность как субъект языкового общения*, [w:] *Личностные аспекты языкового общения*, ред. И. П. Сусов, Калинин 1989; С. А. Сухих, *Языковая личность в диалоге*, [w:] *Личностные аспекты...*; Ю. Н. Караулов, *op. cit.* и др.

выявить некоторые черты языка Булгакова, характерные для его повседневного общения с различными участниками речевого акта (адресатами, слушателями, собеседниками). Материалом для анализа послужили письма Булгакова, его короткие записки, отрывки его дневниковых записей, стенограмма выступления в театре Вс. Мейерхольда 7 февраля 1927 г., дневники жены писателя Е. С. Булгаковой (1933–1940 гг.), часто воспроизводящие булгаковскую речь, и, наконец, воспоминания современников, также передающие слова и выражения Булгакова. Написанные много лет спустя, воспоминания хоть и не могут быть благонадежным источником в смысле дословности воспроизведения речи Булгакова, однако общее впечатление от булгаковской манеры говорить они передают. Особо важны письма Булгакова, неофициальные и официальные, написанные близким родственникам, друзьям и просто знакомым, а также отправленные в различные учреждения и организации. Они дают ценный материал для воссоздания языкового портрета, поскольку считается, что „эпистолярная коммуникация [...] служит продолжением непосредственного общения двух коммуникантов и воспроизводит его формы”¹². Ярким примером такой коммуникации являются письма Булгакова к жене летом 1938 г., представляющие собой своего рода диалог, что особенно ценно для наших наблюдений.

2. Приступая к попытке воссоздания отдельных черт языкового портрета Булгакова, прежде всего обратимся к тому общему впечатлению, которое производила на слушателей его манера говорить и вообще манера поведения. Бросались в глаза следующие особенности:

1) „светская изысканность манер”, особенно „форма обращения к собеседникам” (ВБ 145),

2) подчеркнутая вежливость, некоторая изысканность, „которая могла бы показаться чуть старомодной”, и вместе с тем „простота, сердечность, непринужденность” (ВБ 422),

3) манера „иронически пышной вежливости” (ВБ 340),

4) „сдержанная приветливость хорошо воспитанного человека” (ВБ 468).

¹² Т. В. Радзиевская, *Ведение дневника как вид коммуникативной деятельности*, [w:] *Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования (сборник научных трудов)*, ред. Н. Д. Арутюнова, Москва 1988, с. 95; ср. также: J. Bartmiński, *Potoczność w ustnej i pisanej odmianie języka*, [w:] *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Współczesny język polski*, pod red. J. Bartmińskiego, Wrocław 1993, с. 118; A. Furdal, *Językoznawstwo otwarte*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Lódź 1990, s. 186–190.

Попробуем показать, как это проявлялось в речевом поведении Булгакова.

2.1. **Ты–вы** – отношения. Обычно формы **ты/вы**-общения распределяются по следующим параметрам говорящих (участников речевого акта): возраст, социальный статус коммуникантов, близость/отдаленность их отношений.

Ты – общение отражает то ли близкие отношения коммуникантов, то ли отношения старшего возрастом к младшему. **Вы** – общение передает более отдаленные отношения, неравенство возрастное (младший к старшему возрастом) или социальное (к лицам с более высоким статусом).

У Булгакова эти формы общения распределяются нетипично. **Вы** – обращение к старшему возрастом, к лицам с более высоким общественным статусом, при отдаленных отношениях, но и к близким друзьям, к равным себе по возрасту и положению и даже к матери. Например:

(1) – *Дорогая мама, как **Вы** поживаете, как **Ваши** здоровье?* (ДММ,17).

Причем, судя по письму к матери его младшего брата, Николая Булгакова, в семье Булгаковых дети могли обращаться к матери и на **ты** (*Милая моя, дорогая мамочка, [...] нежданно-негаданно пришло **твое** письмо* – Б10, 80).

Булгаков обращался на **вы** и к некоторым близким друзьям, например, к Я. Л. Леонтьеву, большому, многолетнему близкому другу и доброжелателю семьи Булгаковых:

(2) *Дорогой Яков Леонтьевич! [...] Ежели **успеете** написать мне сюда, **обрадуете** [...] Не **забывайте!** **Ваш** М. Булгаков* (Б 10, 447-8).

(3) *Большое спасибо **Вам**, дорогой Яков Леонтьевич, за милое и заботливое письмо.*

[...] *Пишите! Целую дружески. **Ваш** М. Булгаков* (Б 10, 450-451).

Общение на **вы** характерно для отношений Булгакова с его другом и биографом П.С. Поповым. Отношения на **ты** и переход с имени и отчество на имя начинаются лишь в 1933 г., после 7-летнего знакомства Булгакова с Поповым:

(4) *Дорогой друг **Павел Сергеевич**, [...] Спасибо **Вам** за память...* (4 VIII 1932, Б 10, 312),

(5) *Дорогой **Павел!** Я хотел зайти к **тебе** ...*(13 IV 1933, Б10, 325).

Интересно отметить при этом формы обращения: *дорогой Павел, милый Павел, милый Пятя, душа Павел.*

2.2. При модели **Вы**-общения обычным является обращение по имени и отчеству. Булгаков также употребляет эту форму в письмах и разговорах, например:

(6) – *Бог с Вами, Владимир Владимирович!* [говорит Булгаков своему близкому другу художнику В. В. Дмитриеву – Л.П.] (ДММ, 321).

Однако при вы-общении возможно у Булгакова и употребление имени, например:

(7) – *Здравствуйте, Юра.* – *Миша, я болен [...]* – *Чем же, Юрочка [...]* Булгаков серьезно давал советы: *Не пейте ... пейте чай!* [Разговор по телефону с Ю.Олешей – Л.П.] (ВБ, 493).

По имени (Валя, Валюн), но на вы обращался Булгаков к В. Катаеву:

(8) *Валюн, нельзя так говорить о фельетонистах „Русского слова“* (ВБ, 494),

(9) [...] *вдруг Миша тихо и серьезно ему [Катаеву – Л.П.] сказал: вы бездарный драматург, от этого всем завидуете и злитесь* (ДММ, 417).

Как можно судить по источникам, ты-отношения связывали Булгакова лишь с очень близкими друзьями еще с гимназических и студенческих лет, а также с некоторыми литераторами (Ю. Слезкин, Н. Лямин, С. Ермолинский и др.) и актерами МХАТа.

Вы-общение в контактах, когда можно было бы перейти на ты (напр., круг „Гудка“ и др.), по-видимому, было одним из элементов, который придавал речи Булгакова в глазах современников подчеркнутую вежливость и некоторую сдержанность, даже холодность отношений.

2.3. В этом же плане характерны его представления при знакомстве – по имени и отчеству, по имени, отчеству и фамилии, по фамилии.

(10) *Булгаков, здороваясь с коллегами, кратко говорил каждому: „Михал Афанасьич“.* Он, очевидно, опасался, что его начнут называть по фамилии или уже совсем запросто – *Мишей* (ВБ, 347) [имя и отчество приводятся в разговорном варианте – Л.П.].

(11) *Я снял трубку и услышал: – Сергей Петрович? Здравствуйте!* *Говорит Михаил Афанасьевич Булгаков* (ВБ, 316).

С людьми, приходившими к нему домой за советами, литературной помощью и т.д., Булгаков знакомился, называя только фамилию:

(12) *Он простоял несколько мгновений, озирая нас, сидящих у стола, потом, подав мне первому руку, быстро сказал: – Булгаков !* (ВБ, 311).

Как вспоминает Л. Белозерская, Булгаков „терпеть не мог, когда его называли по фамилии, опуская имя и отчество. Он считал это неоправданной фамильярностью“ (ВБ, 223). А фамильярности Булгаков не любил и держался в стороне от таких людей (ДММ, 370).

3. Одной из заметных особенностей речи Булгакова было использование им устаревших слов и „старомодных” выражений. Приведем некоторые из них.

3.1. Например, местоимения, союзы:

(13) *Сим имею честь известить о том, что я не согласен на удаление Петлюровской сцены* (ДММ, 59).

(14) *Дорогой Викентий Викентьевич! При сем посылаю Вам два билета* (ДММ, 67).

(15) *В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны и в рассмотрение коих я входить не могу [...]* (ВБ, 446).

(16) [...] *на что Булгаков нервно ответил: „Сие от меня не зависит”* (БХТ, 66).

(17) *Ежели успеете написать мне сюда, обрадуете* (Б10, 448).

3.2. Выражение **Честь имею**.

Булгаков использовал его как самостоятельное высказывание или как актуализатор вежливости, присоединяемый к различным сообщениям, информациям, благодарностям, прощаниям и т.п. Это делало речь писателя старомодно-вежливой:

(18) *Честь имею* (ВБ, 152), *Честь имею кланяться* (ВБ, 337) – как прощания.

(19) *Сим имею честь известить* (ДММ, 59), *вчерашнее совещание, на котором я имел честь быть* (ДММ, 57), *не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати* (ДММ, 87).

3.3. Из других устаревших выражений, выступавших в речи Булгакова, можно отметить, например, **покорнейше** (как интенсификатор вежливости):

(20) *Покорнейше благодарю за доставленное удовольствие* (ВБ, 152), [...] *произведенные мною производственные расходы покорнейше прошу возместить* (ВБ, 147), а также выражения: *Будьте благонадежны!* (ВБ, 174), т.е. будьте уверены, или *Как изволите видеть* (ДММ, 75).

3.4. Оттенок особой, старой вежливости и даже почтительности придавало речи Булгакова употребление старой частицы **-с** (слово-ер). Возможно, в этом сказывалась некоторая ирония писателя (**ну-с, нет-с, вот-с** и др.):

(21) *Как вам угодно-с, а произведенные мною расходы покорнейше прошу возместить.* (ВБ, 147).

(22) *Вот-с, какие дела [...] Вот-с как, Павел Сергеевич!* (ДММ, 111).

4. Как кажется, изысканность манер речевого поведения Булгакова, о которой вспоминают его собеседники или слушатели, проявлялась между

прочим и в использовании разнообразных средств модификации моделей предложения, сложности конструкций, косвенного оформления коммуникативного замысла автора. Эта особенность наглядно выступает при таких речевых актах, как просьбы, благодарности, приветствия, поздравления, пожелания и т.п. экспрессивы. Например:

(23) [...] *В случае, если эти условия неприемлемы для Театра, я позволю себе попросить разрешения считать отрицательный ответ за знак, что пьеса „Белая гвардия” – свободна* (ДММ, 57) – просьба о разрешении.

(24) *Дорогой Коля, я надеюсь, что ты не откажешь мне в любезности зайти к моему корреспонденту [...]* (ДММ, 79) – просьба.

(25) *Благоволите подтвердить получение моих рукописей* (ДММ, 115) – настойчивая просьба.

(26) *Многоуважаемый Алексей Максимович! [...] Вы меня крайне обязали бы Вашим ответом* (ДММ, 161) – просьба.

(27) – *Счел своим приятнейшим долгом поздравить вас с исключительно удачной статьей, которую имел удовольствие прочитать-с* (ВБ, 148) – поздравление.

Характерно для Булгакова большое разнообразие этикетных формул, косвенных номинаций, интенсификаторов. Считается, что в русском языке имеется довольно ограниченное число интенсификаторов (интенсифицирующих модификаторов). Однако у Булгакова их достаточно много:

горячо/убедительно/очень прошу, дружески и искренне приветствую, крепко жму руку, сердечно /серьезно /покорнейше благодарю; душевно тронут, крайне признателен и др.

Много также и модифицированных конструкций, иными словами, косвенных номинаций, например:

считаю долгом сообщить (сообщаю), *могу вас уверить* (уверяю), *выражаю согласие* (соглашаюсь), *позволю себе попросить* (прошу), *вынужден категорически отказаться* (отказываюсь), *позвольте побеспокоить вас просьбой* (прошу), *позволяю себе беспокоить вас просьбой* (прошу), *позволяю себе попросить* (прошу), *имею честь известить* (извещаю) и т.п.

Все модификации стилистически отмечены – как формы подчеркнуто вежливые.

5. Обилие устаревших выражений и конструкций ни в коем случае не означает искусственности, позёрства или сухости речи Булгакова. Живость, простота, непринужденность его речи проявлялась в употреблении

разговорной лексики и разговорных конструкций, выражений стилистически сниженных – просторечных и даже бранных. Например, просторечные выражения:

публика, конечно ни уха ни рыла не понимает в этой книге; Ах, чёртова колонка!; плюнь ты на эту колонку!; Даже Ольга [...] слетела с катушек; не давай ему трепаться словесно; вооружаюсь сейчас теми филькиными грамотами; чёрт с ними; эти ленинградские театральные сукины дети; наглые арапы; сволочи проклятые!; чушь собачья; брехня насчёт Германии и др.

Разнообразны также разговорные элементы: полнозначительные и служебные слова, вводные выражения, оформление вопросительных конструкций: *Здорово, Павел!; разодолжил ты меня; нападение на него всех главарей партии; перестал слушать эту белиберду; чёрт знает, что делать!; пошлые враки; да в том и штука; А знаете, что моя Люська выкинула?; бросил я эту мыслишку; Вторая просьбишка; По чести говорю, не знаю; Но МХАТу – зарежьте меня – не могу; „Здорова!“ Натев вам! Что это значит?; Их выселить нельзя. Дудки!; ...прошу ничего. [...] не говорить. Есть?; Устрой дачу на юге. А?; Купаться-то можно?; Ба! И прокурор тут!; – Как же, как же! Я прямо горю нетерпением роман филистеру показывать; Я говорю: „Помилуйте, куда я ее дену?“ и др.*

6. Говоря о языковом портрете Булгакова, следует вспомнить об умении писателя придумывать прозвища близким ему людям, давать остроумные названия каким-либо жизненным событиям.

Так, например, пасынок Булгакова Сережа Шиловский получил прозвище *пристяжной конек*:

(28) [...] *пристяжной конек* – зовут его Миша (ДММ, 285).

Старший сын Е.С.Булгаковой Женя назывался *прокурором*:

(29) *М. А. прозвал Женюшку уже давно прокурором [...], а кроме того, произвел в чин библиотекаря* (ДММ, 312).

Писатель Алексей Толстой, дочь которого была женой Е. А. Шиловского, отца детей Е.С.Булгаковой, был назван *дедом*:

(30) *Это М.А. прозвал Алексея Толстого дед или дед-комбинат* (ДММ, 396).

Множестве ласковых прозвищ, названий было в обращениях Булгакова к жене: *Дорогая Люси, она же очаровательная прекрасная Елена, Мыся, Лю, Дундик* и т.д.

Частые встречи с друзьями на квартире Булгакова также имели свои названия: *малые комитеты* – дружеские беседы за столом, *большие комитеты* – встречи, где читался роман (ВБ,351) – это дословный перевод с французского.

Остроумие Булгакова проявлялось и в блестящих, мгновенных репликах-реакциях на не слишком умные и уместные советы, предложения, поучения, вопросы. Например:

(31) Пырьев: – *Вы бы, М. А., поехали на завод, посмотрели бы]...*
М. А.: – *Шумно очень на заводе, а я устал, болен. Вы меня отправьте лучше в Ницу* (ДММ, 162),

(32) – *Вот если бы ты, Мака* [Мака – домашнее имя М. Булгакова – Л.П.], *объединился с Толстым, вот была бы сила! – Я не понимаю, какая сила? На чем мы можем объединиться с Толстым? Под руку по Тверской гулять ходить?* (ДММ, 196).

(33) Чуркин выпучил глаза: – *Позвольте!! Вы даже не были в попутчиках! Вы были еще хуже!* – *Ну что может быть хуже попутчиков,* – ответил М. А. (ДММ, 303).

Приведённые выше вступительные наблюдения над некоторыми чертами языкового портрета такой выдающейся личности, как Булгаков, подтверждают, с одной стороны, изысканность его речевого поведения и подчеркнутую вежливость, которая современникам Булгакова уже в то время казалась старомодной. С другой стороны, показывают непринужденность, живость и простоту его речи, что, как кажется, можно объяснить наличием в ней разговорной лексики, разговорных конструкций, просторечных и даже бранных выражений. Эти особенности речевого портрета Булгакова свидетельствуют о приверженности писателя к лучшим традициям культуры прошлого, к образцам русской литературной – письменной и устной – речи, передающимся из поколения в поколение.

Список сокращений

- ЛЭС – *Лингвистический энциклопедический словарь*, под ред. В. Н. Ярцевой, Москва 1990.
НЗЛ – *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. IX. Лингвостилистика, Москва 1980.
EJO – *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, pod red. K. Polańskiego, Wrocław–Warszawa–Kraków 1995.
ЕК – *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*, t. 2. *Współczesny język polski*, pod red. J. Bartmińskiego, Wrocław 1993.

Источники

- Б10 – М. Булгаков, *Собрание сочинений*, т. 10. *Письма*, Москва 2000.
БХТ – А. Смелянский, *Михаил Булгаков в Художественном театре*, Москва 1986.
ВБ – *Воспоминания о Михаиле Булгакове*, Москва 1988.
ДММ – *Михаил и Елена Булгаковы, Дневник Мастера и Маргариты*, Москва 2001.

Streszczenie

Uwagi o językowym portrecie Michala Bułhakowa

W artykule została podjęta próba ukazania niektórych właściwości języka Bułhakowa jako człowieka określonej osobowości, przedstawiciela pewnej grupy społecznej – rosyjskiej inteligencji twórczej. Innymi słowy, nie chodzi o idiolekt pisarza (czyli o teksty jego utworów), lecz o język Bułhakowa w codziennym obcowaniu z różnymi uczestnikami aktu komunikacji (adresatami, słuchaczami, współmówcami). Bazę materiałową przeprowadzonych badań stanowiły listy Bułhakowa, jego krótkie żartobliwe notatki, wyjątki z dzienników pisarza, stenogram wystąpienia w dyskusji, a także dzienniki jego żony i wspomnienia współczesnych.

Na podstawie analizy materiałowej można zauważyć, że zachowanie językowe Bułhakowa cechowała, z jednej strony – staromodna grzeczność, wytworność (mnóstwo formuł etykietałnych, użycie przestarzałych wyrażen, różnorodnych środków modyfikacji modeli zdaniowych, nominacji pośrednich itp.), z drugiej – użycie leksyki i konstrukcji potocznych, stylistycznie niższych, nawet gminnych.

Summary

Notes on the linguistic portrait of Mikhail Bulhakov

In the article an attempt has been made at presenting some properties of the language of Bulhakov as a man of a specific personality, representative of a particular social group, namely the Russian artistic intelligentsia. In other words, what matters is not the writer's idiolect (that is the texts of his composition) but Bulhakov's language in his everyday contacts with various participants of the act of communication (addressees, listeners, interlocutors). The material-related basis of the research conducted constituted Bulhakov's letters, his short humorous notes, excerpts from the writer's journals, the shorthand notes of his participation in a discussion as well as his wife's journals and the memoirs of the contemporaries.

On the basis of the material-related analysis it can be stated that Bulhakov's linguistic behaviour was marked, on the one hand, by old-fashioned politeness, refinement (plenty of ceremonious formulae, the use of dated expressions, manifold means of modifications of sentence patterns, indirect denominations etc.), and, on the other – the use of lexis and colloquial expressions, stylistically lower at that – even coarse ones.